

АВТОРИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

На материале текстов научного дискурса рассматриваются семантика авторизованных высказываний, особенности характеристики объектов авторизации. Приводятся наблюдения над семантикой перцептивных глаголов, входящих в авторизующие конструкции, отражением в тексте динамики процесса восприятия. Делается вывод, что законы восприятия человеком объективной действительности напрямую отражаются на особенностях употребления авторизующих конструкций в тексте научных произведений, текстостроительной функции авторизации.

Ключевые слова: авторизация восприятия; перцептивные глаголы; текстообразование; научный дискурс.

Исследование авторизации как категории, репрезентирующей три типа субъекта (квалификации, восприятия и обнаружения), делает логичным и необходимым описание особенностей ее реализации в каждом из этих аспектов. В данной работе рассматриваются проблемы, связанные с авторизацией восприятия.

Проблема восприятия является одной из важнейших в исследовании человека. Она изучается главным образом философией и психологией. Термин «восприятие» «охватывает широкий круг явлений и процессов, начиная от простого осознания человеком того, что с ним в тот или иной момент его бытия <...> до обобщения сенсорного или чувственного опыта в виде отражения окружающей нас объективной действительности и в образе мира и его отдельных фрагментов. Термин равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ, а также и к способностям членить, дискретизировать и структурировать сенсорные данные – весь поток обрушивающейся на человека информации и воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов или стимулов» [1. С. 17]. Сложный характер феномена восприятия, имеющего начало в перцепции и находящего продолжение в когнитивных операциях, отражается на языковом уровне в представленности трех указанных субъектов авторизации, из которых первые два (обнаружения и восприятия) коррелируют с фазой перцепции, а третий (квалификации) представляет ее кульминационный этап.

Будучи явлением многоплановым, восприятие изучается «на самых разных уровнях: морфофизиологическом, психофизическом, психологическом, теоретико-познавательном, клеточном, феноменологическом, <...> на уровне микро- и макроанализа. Изучаются филогенез, онтогенез восприятия, его функциональное развитие и процессы его восстановления. Используются самые разнообразные конкретные методы, процедуры, индикаторы» [2. С. 251]. Многообразием отличаются и подходы к его изучению: эмпирический подход (Г.О. Гельмгольц [2]), генетический (G. Smith [3], Б.Ф. Ломов [4]), исследования гештальт-психологов (K. Koffka [5]), бихевиористски ориентированные исследования (J.J. Gibson [6]), деятельностный подход (А.В. Запорожец [7], А.Н. Леонтьев [8]), исследования когнитивной психологии (У. Найссер [9]; J. Piaget [10]), однако в наиболее обобщенном виде в исследовании процесса восприятия можно выделить три направления: философский, психофизиологический и собственно лингвистический.

Лингвистический подход в изучении восприятия в целом и через призму авторизации в частности возникает вследствие совпадения перцептивной и речевой форм деятельности в своих онтологических свойствах: так, перцептивное действие происходит в результате воздействия внешних раздражителей, передачи информации от них в другие системы, а речевое заключается в передаче информации собеседнику.

Данное исследование представляет собой попытку описать текстовое выражение авторизации восприятия, основываясь на некоторых результатах изучения восприятия в психологии. Обращение к данным другой науки (психологии) при проведении лингвистического исследования согласуется с традицией дискурсивных и стилистических исследований опираться на некоторую затекстовую, экстралингвистическую основу, во-первых, и, во-вторых, придает результатам такого исследования более универсальный характер.

Согласно нашей гипотезе принципы отбора и реализации авторизационных конструкций при осуществлении авторизацией своих текстостроительных функций должны коррелировать с особенностями восприятия человеком окружающего мира вообще и, с прагматической точки зрения, быть средством управления вниманием реципиента научного текста. Гуссерль пишет: «С нашей точки зрения, в сфере чувственной абстракции, которой до сих пор отдается предпочтение из-за ее простоты, следует прежде всего различать акты, в которых наглядно “дается” атрибутивный момент, и те построенные на этом моменте акты, которые являются уже не просто актами непосредственного наблюдения, но скорее представляют собой акты нового рода – акты генерализации, позволяющие мыслить соответствующие виды» [12. С. 136]. Автор обнаруживает понимание глубинного смысла авторизации восприятия, заключающегося, с одной стороны, в фиксации в тексте отраженных объектов действительности, а с другой – в отражении мыслительной работы автора научного произведения, комбинирующего эти объекты в соответствии со своей стратегией, актуализируя те или иные характерные их свойства, благодаря чему образуются новые, дополнительные смыслы.

На языковом уровне процесс восприятия репрезентируется главным образом перцептивными глаголами. К перцептивным относятся глаголы, референтная область которых представляет сферу органов чувств (слух, зрение, обоняние, осязание, вкус), и, шире, психическая деятельность человека, направленная на его осознание. Соответственно, информация, поступающая непосредственно через органы чувств, является информацией перцеп-

тивной, а получаемая посредством языка, через когнитивные процессы, – когнитивной. Объектом же перцептивных глаголов является практически вся доступная восприятию окружающая действительность. Очевидно, что собственно перцептивная информация, воспринимаемая органами чувств и приводящая к возникновению ощущений, является первичной, именно она создает основу для когнитивной деятельности, заключающейся в преобразовании сенсорной информации в знание. Несмотря на то что перцептивные глаголы обозначают состояние (*слышать, видеть, чувствовать*) или действие (*слушать, смотреть, пробовать*), все они отражают восприятие как вид деятельности [10].

Как известно, глагольная лексика представлена двумя классами: предикатные глаголы (аспектуальные, модальные, каузативные, таксисные, фазисные) и модусные (знания, речи, мысли, эмоций, ощущения, восприятия, оценочные), отражающие вербальную и психическую деятельность человека. Предикаты обозначают и оценивают статические свойства и динамические проявления предметов действительности, их отношения друг к другу, модусные глаголы обозначают вербальную и психическую деятельность человека [12]. Большинство глаголов восприятия отличаются концептуальной дивергентностью, т.е. могут быть ориентированы на восприятие не только физических объектов окружающего мира, но и различных ментальных конструкций, понятий. По Б. Потье, глаголы развивают полисемию в трех направлениях: пространственно-конкретном, временном и понятийном [13. С. 37].

«Для авторизации характерно явление, на которое обратил внимание С. Ульманн, исследовавший лексику восприятия: «перенос из сферы физического восприятия в сферу умственную» [14. С. 279–280]. Авторизующие конструкции репрезентируют финал процесса восприятия, этап, когда воспринятая информация подвергается когнитивным процессам, заключающимся в преобразовании сенсорной информации в готовое знание, теряют связь с каналом восприятия и утрачивают сему «обладание чувствительной способностью».

В качестве примера взаимодействия первоначально и трансформированного значений глаголов восприятия можно привести случаи двоякой интерпретации способа получения информации. Так, в предложении *Я слышал его лекцию* предикат *слышал* можно рассматривать и как глагол физического восприятия, не утративший до конца связи с каналом восприятия, и как глагол умственного восприятия, относящийся к сфере когнитивных процессов. Дальнейший уход от выражения исходного значения связан с восприятием не объектов физического мира или фактов окружающей действительности, локализуемых в пространстве и времени (как в указанном примере), а абстрактных понятий. В этом случае сема «обладание чувствительной способностью» вовсе не актуализируется, и на первый план выходят квалификативные смыслы (*видеть что-то в чем-то* в значении *рассматривать*). В наибольшей степени это характерно для глагола зрительного восприятия *видеть*, который, вместе с глаголом *слышать*, является глаголом основной перцепции и, по Н.Д. Арутюновой, борется с ним за передел сфер влияния в иерархии чувств [15. С. 416].

Вероятно, значимостью обозначения канала восприятия и указания источника информации определяется характер авторизации по оси эксплицитность – имплицитность. Имплицитной авторизация становится в результате необозначения акта перцепции и его перехода в пресуппозицию высказывания, понимаемую как «совокупность предварительных знаний собеседников о предмете речи» [16] и включающую фоновые знания адресанта и адресата, когда стратегия сообщения содержания основывается на комбинировании эксплицитного и имплицитного, импликация экспликационала и экспликации импликационала. Любое высказывание предполагает модус «я говорю так, потому что знаю, так как видел / слышал» и т.д. Авторизации, как правило, подвергается не вся доступная автору либо объективно существующая по данному предмету или теме информация, а лишь та, которая отвечает целям и задачам данного научного произведения, соответствует замыслу автора и обусловлена его отбором (остальная попадает в «фон», либо составляет основу парадигмы развиваемой проблемы (темы) и является общеизвестной).

Объем авторизуемой информации обусловлен действием некоторых когнитивных законов, согласно которым количество одновременно воспринимаемых объектов ограничено. Так, Б.М. Величковский пишет, что «современные авторы склонны объяснять ограниченность объема внимания, или рабочей памяти, множеством разнообразнейших фактов, например, то, что на каждом уровне схематического описания текста обычно встречается не более двух-трех эпизодов» [17. С. 44].

Приведем несколько примеров, подтверждающих действие этих законов в сфере авторизации. На уровне предложения авторизующая конструкция вводит ограниченное количество источников информации. Сюда же можно отнести «включенные» образования, когда несколько разных авторов представляют собой, по сути, один источник информации: *В корейских грамматиках [Холодович, 1954; Мазур, 1960; 2001; Martin, 1992; Chang, 1996; Song, 1999] такие предикаты называются прилагательными или стивными глаголами* (Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 40). Включение в одно предложение нескольких источников носит редкий характер, и такие источники информации сообщают семантически однородную информацию: *Как показано в [Рудницкая, 2004], некоторые стандартные свойства подлежащего (no: [Keenan, 1976]), такие как начальная позиция в предложении, возможность релятивизации [Keenan, Comrie, 1977] или контроль рефлексивов, в корейском могут характеризовать невынесенный топик, не являющийся аргументом предиката* (Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 43); *Н.-В. Lee и М.-К. Kim предлагают следующий анализ запрета на релятивизацию ИГ в именительном в (15 в) и (9б)* (Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 48).

В случае, если в предложении более одного источника информации и эти источники не вводят семантически однородной информации, они оказываются связанными между собой следующими отношениями:

1. Противопоставления: *С этой точкой зрения, в недавнее время развитой антропологом П. Гордоном [Gordon, 2004], не согласен Д. Эверетт [Everett, 2004 a, b] – наиболее крупный исследователь языка пирахан,*

занимающийся им на протяжении почти 30 лет... (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 3). У коми к октябрю относится название «ерым», которое, по мнению Н.Д. Конакова, происходит от слова иора «лось» [Конаков, 1996: 16]; В.И. Лыткин возводит к йыр «холод, замерзание» [Сидоров, Лыткин, 1966] (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 14).

2. Сравнения: как показывает (23в) в сравнении с (23а), конструкция ТОП-ИМ с philyoha-ta «быть-нужным» лучше допускает вложение с нейтральной интонацией, чем конструкция с mwuser-ta «страшно» (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 53).

3. Дополнительности: Помимо продемонстрированных в пп. 3.1.2–3.1.3 ограничений на конструкцию ТОП-ИМ с глаголами психологического состояния, запрет на релятивизацию ИГ-стимула [п. 2.1.2, пример (7а)] также действует только в случае глаголов психологического состояния, а не других стативных глаголов с аргументами «экспериментер» и «стимул-пациентс». Фазовые глаголы были подробно рассмотрены в книге [ТФГ, 1987]; следует далее упомянуть работы [Храковский, 1987; Небялков, 1987], где строится подробная классификация фазовых глаголов и рассматриваются их особые свойства). Ср. также анализ относительного предложения в терминах [-dominant / background] [Erteschik-Shir, Lappin, 1987; Mel'čuk, 2001: 200], а также в терминах «предикации относительно вершинного имени» [Den-Dikken, в печ.]. При исследовании того, что А.А. Холодович называл «общей теорией множеств в языке», Гордон выяснил, что у тирахан рекурсивный счет отсутствует (Вопросы языкознания. 2005. № 5).

4. Совмещенные отношения: а) сравнения – дополнительности: В это время под влиянием тупи-гуарани (где система числительных основана на двоичной базе [Bariero Saguier, 1986]; ср. о других языках этого ареала [Ferreira, 1976]) могли измениться и принципы счета (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 7); б) сравнения – противопоставления: У коми к октябрю относится название ерым, которое, по мнению Н.Д. Конакова, происходит от слова иора «лось» [Конаков, 1996: 16] (В.И. Лыткин возводит к йыр «холод, замерзание» [Сидоров, Лыткин, 1966]) (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 14). Приведенные примеры усложняющихся отношений между источниками информации показывают, что при удалении от первой, «сенсорной» фазы восприятия к следующей, когнитивной фазе, происходят фиксация в тексте процесса членения, структурирования сенсорных данных, формирование целостной картины мира, что в текстовой ткани научного произведения часто приводит к расширению «радиуса действия» авторизационных конструкций, описанному в [18. С. 8]. С некоторой долей экстраполяции этот процесс можно сравнить с нарастающей детализацией пространства внутреннего мира автора текста эпистолярного дискурса, описанной в [19. С. 14], где динамика описания пространства от внешнего к внутреннему связана с «заселением» его невидимыми, нематериальными объектами, эмоциями, впечатлениями. Ограниченность объема воспринимаемой информации, невозможность охватить вниманием большое количество деталей за определенный промежуток времени

отражаются и на текстовом уровне. «Эксперименты с классификацией и идентификацией различных сенсорно-перцептивных признаков показывают, что нам значительно проще определять разные признаки одного и того же предмета (цвет, размер и форму), чем один и тот же признак (например, цвет) такого же числа разных предметов» [20. С. 223]. Кроме того, «согласно современным данным зрительная память, удерживающая полученную за время одной фиксации информацию, часто работает всего лишь с одним объектом» [Там же. С. 198]. Исследованный нами материал позволяет прийти к выводу, что детальной характеристике в авторизованных структурах подвергаются объекты, у которых выделяются небольшое количество свойств / признаков:

а) один признак: Если в примере (19) форма *saadubit'i* демонстрирует аддитивность инференциального и антирезультативного значений, то в примерах (20) и (21) в прямом значении употребляется только суффикс адмиратива *-bi*. В то время как нерезультативность ситуации, выраженная суффиксом *-s'i*, оказывается чисто субъективной: речь идет о напрасном результате (Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 92); Показатель *-bi* демонстрирует совмещение значений адмиратива, инференциализа и перфекта (Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 92); Эта традиция выявляется в календарной обрядности народов Западной Европы [Календарные обычаи, 1977...] (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 12); Как показывает изучение археологических находок Сибири и европейского Севера России, выявляющих календарный характер, наблюдение за жизнью диких копытных составило основу исчисления годового цикла для древних охотников эпохи палеолита (Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 98);

б) несколько признаков (более редкий случай): Как показало исследование [Bhat, 1999], в связи с этим речь может идти о некоторых интересных обобщениях. А именно о том, что при формировании грамматической системы язык может отдавать предпочтение (*prominence*) какой-то одной семантической зоне, грамматикализуя прежде всего относящиеся к ней значения (Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 96).

По всей видимости, особенностями восприятия окружающего пространства обусловлено и такое свойство текстовой организации авторизации восприятия, как изменение характера авторизуемой информации от общего к частному по мере развертывания микротемы. Еще Н.Н. Ланге в работе «Закон перцепции», опубликованной в 1892 г., на основе наблюдений с тахистоскопическим показом изображений предметов отметил, что восприятие представляет собой процесс микрогенетического развития. Исследователь пишет: «Процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая – более частного и дифференцированного» [20. С. 3]. Восприятие трактуется здесь как развернутый во времени процесс, а не моментальный, постепенно растворяющийся в воздухе снимок. Б.М. Величковский, обосновавший и развивший тео-

рию микрогенеза, также отмечает, что восприятие предмета начинается с его динамической локализации в трехмерном окружении, после чего происходит спецификация его общих очертаний и, наконец, инвариантное восприятие тонких внутренних деталей [22].

Анализ текстового материала научного дискурса подтверждает наблюдения, сделанные психологами. Ср. движение от «отправной точки», регистрации общего наблюдения над явлением к выявлению деталей наблюдаемого на участке текста, посвященного описанию промыслового календаря древних коми и бинарной оппозиции сезонов: *Дешифровка, проведенная Н.Д. Конаковым [Конаков, 1987; 1990а], показала, что животные, принадлежащие к местной, северной фауне, маркируют 9 неравных по продолжительности периодов года в соответствии с их биологическими циклами и сезонным промыслом <...> У народов Евразии и Сибири «медвежьи» названия месяцев встречаются нечасто <...> Начало весенне-летнего сезона для древних охотников и скотоводов Евразии выходило за рамки весеннего равенства и календарно связывалось с апрелем – маем, о чем свидетельствует смысл обозначений периодов года и астрономические ориентиры археологических памятников* (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 12–13).

Авторизация наблюдения может маркировать переход к деталям наблюдаемого и после введения наблюдаемого объекта другими (помимо авторизации наблюдения) разновидностями авторизации, например авторизации квалифицирующего типа: *К. Леман и Й.-М. Шин выделяют две разновидности этой стратегии маркирования [Lehmann, Shin, unpublished: 24]. В одной из них дополнительный предикат эксплицитно морфологически оформляется как нефинитный и подчиненный (деепричастие, или конверб; см. [Haspelmath, 1009]) <...> Существует и третья разновидность данной стратегии, не отмеченная К. Леманом и Й.-М. Шином. Например, в ительменском языке личные местоимения не имеют комитативного падежа* (Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 92).

Переход от более общего к частному, сужение, фокусировку на более мелких деталях можно наблюдать и в тех случаях, когда авторизация восприятия замыкает собой описание свойств какого-либо объекта, для чего необходимо включение в анализ предшествующих авторизующей конструкции высказываний: *Характерное свойство предикатов психологического состояния во многих языках – разнородное и неканоническое кодирование аргументов этих предикатов [Кибрик, 2003: 340–34]. В частности, часто встречаются (1) (квази)синонимические ряды подобных предикатов, причем у одного из членов ряда каноническое, а у других – неканоническое кодирование аргументов. ... Кроме того, А.Е. Кибрик отмечает (2), что кодирование в случае предикатов психологического состояния не всегда четко различает ядерные и неядерные актанта...* (Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 39). Авторизация наблюдения «склонна» подводить итог, резюмировать, подводить к заключению предшествующие рассуждения, она вводит информацию, которая делает описываемую ситуацию целостной: 1) *Еще одним случаем, когда разграничение такого рода непродуктивно, явля-*

ется совмещение в одном фразовом глаголе более чем двух диатез. Нужно сказать, что такого рода случаи достаточно редко рассматриваются в связи с лабильностью. Как правило, при наличии у глагола нескольких диатез каждая пара моделей рассматривается отдельно. Исключением в некотором смысле является работа [Levin, 1993], где глагол относится к тому или иному классу в соответствии с полным набором возможных для него типов варьирования, но варьирование предполагает наличие пары диатез. В действительности оказывается, что существуют группы глаголов, часто имеющие более двух диатез (Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 2). *Гойдельское упрощение именной парадигмы, выразившееся в первую очередь в слиянии датива, аблатива и инструменталя, происходило с точки зрения хронологической когда-то между реконструируемым просто-гойдельским состоянием и фиксируемыми ранними древнеирландскими формами, т.е. на огромном промежутке... В бриттском процесс упрощения именной парадигмы зашел дальше, поэтому практически невозможно говорить о каком-то выделении его этапов... Аналогичное слияние форм наблюдается и в германских языках, в которых «аблатив, датив и инструментальный падежи не так различались во множественном числе, как в единственном [Прокош, 1954: 257] (Вопросы языкознания. 2007. № 4. С. 92–93). В данном примере авторизующая конструкция одновременно служит средством когезии, маркируя переход к следующему этапу описания.*

Поскольку «компонентами всякого акта восприятия являются чувственный (сенсорный) опыт и априорные категории (формы) нашего рассудка, такие как пространство и время» [21. С. 37], в авторизованных предложениях находят выражение экспликация места. Однако темпоративы встречаются редко, возможно, в силу семантической необязательности: *[Sells, 1987], в японском, корейском и других языках с дистантными рефлексивами, антецедент таких рефлексивов дискурсивно выделен* (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 41). *В конструкции «топик+подлежащее» наблюдается та же закономерность... (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 44). Противопоставление имперфекта и аориста также часто встречается в тексте в постлегомеровском греческом. Указание на место может быть выражено и самой авторизующей конструкцией: Как было показано в п. 2.2, пример (16), конструкция «топик+подлежащее» может быть сентенциальным дополнением, то есть придаточным, а не главным предложением... (Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 53); Аналогичный взгляд обнаруживается в [Comrie, 1976: 126–127] и [Guzman Tirado, Herrador del Pino, 2000: 133–134] (Вопросы языкознания. 2007. № 4. С. 33).*

Таким образом, наблюдения над реализацией авторизационных структур с семантикой восприятия подтверждают нашу гипотезу об отражении особенностей процесса восприятия окружающей действительности человеком в тексте научного произведения. Подобная корреляция обнаруживается при обращении к композиционно-содержательному анализу текста и выражается в ограничении объема авторизуемой информации, количества выделяемых у объекта авторизации признаков,

особенностях детализации при описании объектов чувственного и когнитивного восприятия. Описание особенностей отражения в тексте процесса восприятия в духе когнитивно-дискурсивного подхода способствует познанию взаимосвязей языковых и внеязыковых факторов создания и понимания научного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
2. Гельмгольц Г.О. О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия. М. : ЧеРО, 1993. С. 21–46.
3. Smith G. Visual perception. An even over time // *Psychol. Rev.* 1957. Vol. 64. P. 306–313.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 445 с.
5. Koffka K. Principles on gestalt psychology. N.Y. : Brace, 1935. 720 p.
6. Gibson J.J. The sensors considred as perceptual systems. Boston : Houghton Mifflin, 1966. 336 p.
7. Запорожец А.В. Восприятие и действие. М. : Просвещение, 1967. 323 с.
8. Леонтьев А.Н., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977. 304 с.
9. Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 230 с.
10. Piaget J. The mechanisms of perception. N.Y. : Basic Books, 1969. 284 p.
11. Бюлер К. Теория языка. М. : Прогресс, 1993. 528 с.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
13. Pottier V. Linguistique generale. Theorie et description. P. : Klincksieck, 1974. 338 p.
14. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 250–299.
15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.
16. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.
17. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. М. : Академия, 2006. Т. 1. 448 с.
18. Гричин С.В. Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 5–14.
19. Демешкина Т.А. Репрезентация категории пространства в эпистолярном дискурсе Н.В. Гоголя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 11–17.
20. Ланге Н.Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса, 1893.
21. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 июня 2011 г.